

волосатые пальцы новой власти... А из-за того, что он выжил, не гнушаясь любой ценой, мрачноватый блик усталого цинизма лежит на его феноменально написанных последних книгах. Катаев был циник особого, советского типа... он завидовал бунинской нищей свободе». Женя, свободный от чувства ответственности за свои поступки, легко может оклеветать кого угодно, объявить, например, председателя Народного фронта Южной Осетии А. Чочиева полковником КГБ.

Но стоит ли возмущаться этим? Надо же понимать, что порой жизнь у Жени хуже каторги, ужасно много настрадался он из-за происков русофилов. Он предложил издательству «Молодая гвардия» написать книгу для ЖЗЛ о Есенине, задумав поставить его на свое, конечно же, очень скромное место в русской поэзии, но ему — какая наглость! — отказали. И знаете почему? Дело в том, что Есенина монополизировали «агрессивные шовинисты, литературные охотнорядцы».

Выступая в желтом «Огоньке» (1991, № 48), Евтущенко вспомнил, что в 1965 году был первым на его памяти «официальный

18 июля этого года телеканал, названный почему-то «Россия», не забыл, как это случилось с немилыми ему В. Распутиным, А. Ивановым, П. Проскуриным, В. Пикулем, отметить 65-летний юбилей своего любимого стихотворца Е. Евтушенко. Что ж, давайте порадуемся за него и воздадим ему должное.

О Жене Евтушенко многое — и самое разное — писали и говорили, но, смею утверждать, без досконального знания его поступков и тем более сокровенных мыслей и чувств. Находятся завистники, которые болтают, что Евтушенко кончился как поэт, потерял уважение читателей и в общем пора ему на свалку. Хорошо, что «Литгазета» безотказно печатает его чудные творения и приятные отзывы о нем. Например, 6 августа 1997 года Ю. Сибирцев возвестил в ней: «Продолжает удивлять общественность своей неутомимой деятельностью Е.А. Евтушенко. Только-только отгремел в Политехническом очередной его день рождения, а он уже сам дарит нам новую книгу». Но вот что скверно: тираж его сборника «Дай Бог» 750 экземпляров, а второй книги — поэмы «Тринадцать» — еще меньше. Кто же посмел так унижать знаменитого пиита? Надо в этом разобраться, сама история властно побуждает меня, Марка Доброхота, публично восстановить стопроцентную правду о моем самом близком, до предела раскованном во всех отношениях друге.

ЖЕНЯ СКРОЕН из особого материала, он героичен до самых кончиков ногтей. Еще мальчиком он совершал легендарные подвиги, с его именем связан разгром фашистской Германии. Сам же он, честнейший человек, не желает приписывать одному себе эту победу и потому пишет во множественном числе: «Мы тушили фашистские зажигалки, были связными партизанских отрядов» («Литгазета», 1991, 26 июня). Я сам видел, как во время войны над станцией Зима, что в Иркутской области, появились германские «Юнкерсы», они с хищным завыванием выискивали Женю, чтобы сжечь его живым. Но не вышло: все зажигалки он на летухватал голыми руками, лихо плевал на них — и дело с концом. Через неделю на этой станции во время пионерской игры он с потрясающей отвагой играл роль партизанского связного. И почему его до сих пор не наградили хотя бы орденом Суворова?

У Жени столь много добродетелей, что другим хватило бы на тысячу человек. У него фантастическое бескорыстие. Помните, как он предлагал себя в руководители Московской писательской организации и даже отказывался от зарплат? Работать — и ничего не получать? Я был в шоке, когда услышал про это. И все равно не оценили писатели его благородных побуждений, не избрали, не поняли, что больше всего его необузданная душа алчет власти, хотя бы столько, сколько у В. Гавела, пробравшегося аж в президенты Чехии. Когда он был у Р. Рождественского на дне его рождения, то заявил, что «будет кричать о необходимости свергнуть существующую власть», а когда у власти встанет он сам, то «даст своему народу все то, что ему нужно» («Вопросы литературы», 1993, вып. 3). И то, что нет у Жени власти, — колоссальная трагедия. Именно из-за этого ему не удалось приватизировать дачу в Перedelкине, целый год он не спал от огорчения, тяжко думая, как найти управу на злобных противников демократии.

Не Женя, а другой — честный — поэт однажды обронил, что «власть и почести — вода соленая, морская. Чем больше пьешь, тем больше хочется, а жажда все не отступает». Но ведь власть — это путь и к славе, богатству, удовольствиям, а все это Женя безумно любит. Сначала он мечтал заполучить властный пост и всячески подчеркивал свою яростную коммунистическую партийность. В своей «Автобиографии» он подчеркивал: «Я являюсь коммунистом», «Я как коммунист». На просьбу Ю. Кублановского замолвить за него словечко и помочь устроиться на работу Женя, который был дружен с Надеждой Леже, отрубил: «Надя

ИСКУССТВО БАЛАГАНА, или Панегирик по случаю 65-летия Евгения Евтушенко

Лит. Россия - 1998 - № 32 - с. 10

возьмет только члена партии» («Новый мир», 1997, № 3). Его бабушка предсказала ему: «Ты останешься на всю жизнь убежденным марксистом». Сейчас даже мне, самому близкому его другу, трудно сказать, насколько сбылось ее пророчество. Но несомненно то, что Женя успешно перенял все наихудшие качества большевиков типа Троцкого и Зиновьева и стал «лакеем полицейского режима» (В. Войнович).

Все знают, что сейчас солидные дивиденды приносят поношения Сталина, вот и Женя, чуткий к политическим переменам, бичуя сталинизм, поставил по своему сценарию фильм «Похороны Сталина». Ну и наплевать на то, что В. Кожин нехоти вспомнил, как Евтушенко в книге «Разведчики грядущего» (1952) в каждом стихотворении воспевал Сталина. Да, там есть стихи, где Женя, «обращаясь к девушке, восклицает, что мы, дескать, любим друг друга только потому, что с нами рядом Сталин» («Народная правда», 1992, 5 декабря). Но как этот вредного Кожина не может понять, что Женя «печатается жадно ужасно», что редакторы требовали писать о Сталине, а если выложить начистоту, то он и не сочинял стихов о великом вожде, он, бедненький, только просил Л. Озерова и Н. Тарасова помочь ему довести до совершенства свои стихотворные панегирики. А теперь пришло время восстановить полную правду: это раболепствующий сталинист Л. Озеров «вписывал, как и Тарасов, в далекие от политики стихи юного поэта строки о Сталине» («Лит. обозрение», 1992, № 7 — 9). Теперь всем ясно: Женя нисколько не виноват, конечно, деньги за те неудачные строчки о гениальном рулевом он получил, но можно же понять, что ему надо было на что-то жить, да и выпить страсть как хотелось.

Ох, как ненавидит Женя сейчас Сталина.

В 1962 году Евтушенко на совещании в ЦК КПСС с жаром говорил: «Если кто-нибудь на моем поэтическом вечере скажет что-нибудь антисоветское, я сам своими руками его отведу в органы безопасности. Пусть партия знает, что самый близкий и родной человек станет для меня в таком случае врагом» («Дружба народов», 1990, № 3). С тех пор Женя, мечтающий, по его словам, о «показательном процессе», неустанно искал антисоветчиков не только на своих вечерах, но и на любых собраниях, в любых публикациях. Как неосмотрительно разболтала «Россия» (1992, № 4), по заданию КГБ он держал под своим сексотским наблюдением неугодных ему писателей. Он обратился к Валентину Распутину с просьбой помочь ему опубликовать так называемый роман «Ягодные места», и тот — вот уж простодушный человек — написал положительный отзыв о нем, взяв на свою душу грех, и невдомек ему было, что рубаха-парень Евтушенко уже тогда следил за ним, чтобы разоблачить его как шовиниста. Дождавшись удобного момента, он объявил его вместе с Ю. Бондаревым и А. Прохановым чужь ли не политическими преступниками.

У нашего Женечки такая уж натура, что он не может не нагадить тому, кто сделал ему добро. 12 февраля 1997 года Женя писал в «Литгазете», что он «был должником Катаева» — тот напечатал его первый рассказ «Четвертая Мещанская» в «Юности». А вот чем он отплатил ему: «Катаев заставлял себя любить отвратительные

вечер, посвященный Есенину. Поэзию Есенина долгие годы держали на «отшибе», в школах ее не преподавали, называя «упадочной». Перед моим другом возник вопрос колоссальной значимости: почему так неожиданно решили возвеличить Есенина? После мучительных раздумий Женя нашел в конце концов нужный ответ: издавать огромными тиражами стихи Есенина, посвятить вечер ему, взвинтить его популярность решили только потому, что очень нужно было сбить всенародную любовь к Евтушенко и его закадычным друзьям.

Я ПОПЫТАЛСЯ объяснить Жене, что после освобождения от закоснелых догм восстанавливалась — на общественно-официальном уровне — неувядаемая ценность поэзии Есенина, а в 1965 году исполнилось 70 лет со дня рождения и 40 лет со дня его гибели. Не подумав как следует, я — вот уж глупый недотепа — даже брякнул, что Женя при всей своей самонадеянности и безудержной саморекламе попал в комическую ситуацию, и смешно думать, что его скандальная популярность может затмить непреходящую славу гениального певца России. Мой милый друг страшно рассвирепел и, как не раз бывало, «вскочил из-за стола, бросил об пол рюмку» («Лит. обозрение», 1992, № 4) и в бешенстве закричал, что он прокладывает новые лучезарные пути в литературе, а Есенин — унылый продолжатель навозных почвенно-русских традиций и на этом пещерном направлении никто ничего значительного создать не сможет.

В свой юбилейный день Женя решил перечитать отзывы о себе, опубликованные в журналах и газетах, — и каков же сложился его портрет? Наглый, увертливый, завистливый, литературный пират, борец против русских патриотов, приспособленец, слегка фрондирующий и отлично знающий, что надо делать, чтобы не получать настоящих оплеух от власти. Думал-думал Женя об этих гнусных оценках, запил, проспался от запоя и затем в минуту просветления долго смотрел на вывешенную в своем кабинете выдержку из собственной статьи, опубликованной в родненькой «Литгазете» от 7 июля 1993 года: «На агрессивную неполноценность уходит слишком много времени... Литературе нужны не геростраты... Моськизм не приводит к повышению слонов». Не знаю, как это оценить. Неужели он становится другим?

И что происходит с радио «Свобода» — своих не узнает. Например, чего только устами Б. Парамонова оно не напело: мол, новая повесть Евтушенко о войне в Абхазии «очень плохая проза», «у него дурной вкус актера», когда он преподавал в Нью-Йоркском университете, то «со студентами разбирал «Двенадцать» Блока. Это напоминало советскую избу-читальню или того же времени школу ликбеза — так называемая громкая читка, а Евтушенко — избач» («Советская Россия», 1996, 14 марта). И как можно воспринять слова Парамонова о том, что «это искусство балагана»? Хорошо, что он не видел выступлений Жени о русской поэзии на московском телевидении. Посмотрел бы, послушал бы — еще не такое бы написал. И какой фурур: в мае 1998 года за эти пустопорожные выступления, обозначенные как «Поэт в России больше, чем поэт», Евтушенко получил премию «ТЭФИ»!

Александр ОГНЁВ

г. ТБЕРЬ

Евтушенко
Евтушкин

07.08.98